

МОТИВЫ И «ОХВАТЫВАЮЩИЕ» ЗАКОНЫ
В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБЪЯСНЕНИИ1. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «ОХВАТЫВАЮЩИХ» ЗАКОНОВ
В ДЕДУКТИВНОМ И ВЕРОЯТНОСТНОМ ОБЪЯСНЕНИИ

Предпринимаемое нами рассмотрение проблемы объяснения в исторической науке вызвано в основном фундаментальным и богатым мыслями докладом профессора Дрея. Причем в качестве некоторой основы для этого рассмотрения нам бы хотелось дать в начале нашего доклада краткий анализ того типа объяснения, которое осуществляется с помощью «охватывающих» законов, а также сделать в этой связи несколько развернутых комментариев.

Многозначный термин «модель исторического объяснения с помощью охватывающих законов» был введен профессором Дреем в его монографии «Законы и объяснения в истории», в которой он после весьма объективного изложения данной концепции объяснения выдвигает целый ряд интересных возражений, считая объяснения подобного рода недостаточными, в особенности когда речь идет об исследованиях в области истории.

В своей книге профессор Дрей обозначает термином «модель объяснения с помощью охватывающих законов» такое дедуктивное построение объяснения, которое подводит частный случай под охватывающие законы. В объяснении этого типа некоторое данное эмпирическое явление — в этом докладе, как правило, за него будет приниматься какое-то конкретное событие — объясняется при помощи того, что *экспланандум* (объясняемое положение. — *Пер.*) выводится дедуктивным путем из ряда других положений, называемых *экспланантами* (объясняющие положения. — *Пер.*), и содержание экспланандума состоит в описании данного события. Этот ряд экспланантов включает некоторые общие законы и положения, описывающие определенные конкретные факты или условия, которые предшествуют или сопутствуют объясняемому

событию. В причинном объяснении, например, представляющем собою одну из важных разновидностей дедуктивного объяснения с помощью охватывающих законов, некоторое индивидуальное событие (например, увеличение объема данной массы газа в конкретном месте и времени) рассматривается как «следствие» некоторых других событий (например, нагревания этой массы газа в условиях постоянного давления), из которых оно проистекает (осуществление этих событий с необходимостью ведет к возникновению первого) в соответствии с определенными законами (в данном случае с законами газообразного состояния вещества).

В объяснениях дедуктивного или «дедуктивно-номологического» типа* охватывающие законы имеют строго универсальную форму, то есть, если охарактеризовать их схематически, они утверждают, что во всех случаях, когда реализован определенный комплекс условий $\forall$ возникает некоторое событие или состояние или, записывая это в символической форме: $(x) (\forall x \text{ хив } x)$.

Однако имеется и второй, логически совершенно иной тип объяснений, который играет важную роль в различных отделах эмпирического знания и который я также хотел бы назвать «объяснением с помощью охватывающих законов». Отличительной чертой этого второго типа, упоминавшейся в докладе профессора Дрея, является то, что некоторые из охватывающих законов в этом случае имеют вероятностно-статистическую форму. Взятый в простейшем виде закон данной формы представляет собой утверждение, что при более или менее сложных условиях T некоторое событие или «эффект» y будет иметь место со статистической вероятностью, то есть, грубо говоря, сито-

¹ Более полное описание дедуктивно-номологической модели см., например: C. G. Hempel. The Function of General Laws in History. — "The Journal of Philosophy", 39 (1942), p. 35—48. Перепечатано в Theories of History, ed. P. Gardiner, Glencoe III (Free Press, 1959), p. 344—356. См. также: C. G. Hempel and P. Oppenheim. Studies in the Logic of Explanation. — "Philosophy of Science", 15 (1948), p. 135—175. Первая из этих статей рассматривает применимость теории «охватывающих» законов к историческому объяснению. Более детальный анализ индуктивно-вероятностного объяснения был предпринят нами в статье "Deductive-Nomological vs. Statistical Explanation". В кн.: Minnesota Studies the Philosophy of Science, eds. H. Feigl and G. Maxwell, III (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1962), p. 98—169.

говой относительной частотой φ , или, выражая это средствами символической логики, p^5 ($\bar{b}$, $\bar{a}$) = д. Если вероятность φ близка к 1, то можно использовать закон данного типа в объяснении возникновения $\bar{y}$ в случае реализации условий 7\ Проведем простой пример. Предположим, что после некоторого выбрасывания четырех игральных костей общее число выпавших очков превышает 4. Это может быть объяснено, исходя из следующих положений (причем их фактическая правильность устанавливается эмпирическим путем на основе эмпирической же проверки; они могут быть ложными, например, если одна из костей фальшива): (1) для каждой из этих костей вероятность выпадения одной из ее сторон равна вероятностям выпадения всех ее других сторон, и (2) при совместном выбрасывании всех этих костей количества очков, показываемые каждой из них, статистически независимы друг от друга; так что статистическая вероятность того, что некоторое выбрасывание (В) всех этих четырех костей даст общую сумму очков, превышающую четыре (М), составит $p\%$ ($M, B = 1295/1296 = 0,9992...$). Это общее вероятностное суждение в соединении с некоторой информацией, согласно которой в результате выбрасывания четырех костей имело место какое-то исследуемое событие / (или, более кратко, что 5(1, отнюдь не приводит нас к логически не обходимому выводу, согласно которому сумма очков, выпавшая в данном конкретном случае, превышала 4 (или, что М\). Однако эти два утверждения предоставляют в наше распоряжение веское индуктивное основание, или, как иногда говорят, большую индуктивную вероятность для того, чтобы предположить или ожидать M^1 . Логический характер объяснения этого типа может быть представлен в виде следующей схемы:

(Эксплананты) $(p, (M, B) = 1295/1296)$ придают большую
 $1/B$ / I индуктивную вероятность
 (Экспланандум) $M \mid \leftarrow \text{-----} /$

Вероятность, которую, как показано в данной схеме, придают эксплананты экспланандуму, не носит статистического характера, то есть она не выражает эмпирически устанавливаемого количественного соотношения между двумя рядами событий, таких, как B и M ; это скорее ло-

гическое отношение между двумя высказываниями — в нашем случае между конъюнкцией * экспланантов, с одной стороны, и экспланандумом — с другой. Данное отношение индуктивно-логического обоснования или вероятности представляет собой центральное понятие логических теорий вероятности, развитых прежде всего Кейнсом и Карнапом**. Теория Карнапа, применяемая к формализованным языкам определенного рода, дает нам количественную дефиницию логической вероятности. В какой мере эти системы индуктивной логики могут быть применены к реальным научным исследованиям, все еще остается предметом изучения и обсуждения. Однако это обстоятельство ни в коей мере не влияет на основной тезис, согласно которому при объяснении с помощью вероятностно-статистических законов между экспланандумом и «охватывающими» законами имеет место не логическая связь дедуктивного следования, а связь индуктивного обоснования. Этот род объяснений я поэтому буду называть *вероятностным* или *индуктивным объяснением*. Объяснения этого рода играют важную роль в различных областях науки. Например, необратимость некоторых макроскопических явлений, таких, как смешивание кофе с молоком, может быть объяснена этим вероятностным способом при допущении определенных статистических закономерностей, действующих на уровне микрособытий, лежащих в основе этих явлений.

2. ОДНО НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ АДЕКВАТНОСТИ ОБЪЯСНЕНИЙ

Два данных типа объяснения имеют следующую общую черту: они объясняют некоторое событие, показывая, что, исходя из определенных конкретных обстоятельств и общих законов, можно было предвидеть его возникновение (предвидеть в логическом смысле этого слова) либо с дедуктивной необходимостью, либо с индуктивной вероятностью. Благодаря этой черте оба эти способа объяснения вполне удовлетворяют тому, что я бы рискнул назвать общим *условием адекватности* для объяснений. Это значит, что только при выполнении данного условия можно было бы считать некоторый отчет о событии рационально приемлемым его объяснением. Условие, которое

мы имеем в виду, сводится к следующему: любое объяснение, то есть любой рационально приемлемый ответ на вопрос: «Почему произошло X?», должно дать информацию, на основании которой можно было бы достаточно уверенно считать, что событие X действительно имело место². Дадим более развернутую формулировку этого условия: если на вопрос: «Почему произошло X?» дан ответ: «Потому что имеет (или имело) место Z», то данный ответ не может считаться рационально достаточным объяснением факта возникновения X до тех пор, пока информация относительно того, что имеет (или имело) место Z, не даст нам удовлетворительных оснований считать, что X действительно произошло. В противном случае эту информацию нельзя было бы считать достаточным основанием для утверждения: «Да, это объясняет, это показывает, почему произошло X».

Здесь, по-видимому, было бы целесообразно сделать два развернутых замечания. Во-первых, только что сформулированное условие адекватности объяснения следует понимать как необходимое, но не как достаточное условие удовлетворительного объяснения; определенные виды информации, такие, например, как данные научного опыта, могут явиться отличным основанием для уверенности, что X действительно имело место, не говоря ничего о том, почему оно произошло.

Во-вторых, понятие объяснения с помощью охватывающих законов, как это ясно видно из самой схемы данного объяснения, относится к логике, а не психологии объяснения*, точно так же, как математическое понятие доказательства относится к логике, а не психологии доказательства математических теорем. Доказательства и объяснения, которые совершенно достаточны в прагматическо-психологическом смысле (что весьма интересно и важно само по себе) для того, чтобы заставить кого-нибудь «понимать» то, что ему объясняется или доказыва-

² Условие данного типа легко может быть сформулировано таким образом, что оно будет относиться не только к объяснениям отдельных событий или состояний, но и к объяснению таких общих характеристик объектов, как, например, характеристики, выражаемые с помощью второго закона Кеплера. Однако объяснения последнего рода, рассматриваемые во второй и третьей части статьи, упомянутой в первом разделе, не анализируются в данной статье, как не относящиеся к ее предмету.

отся, могут быть осуществлены — и часто действительно осуществляются — методами, которые не соответствуют формальным стандартам понятий доказательства и объяснения, взятым в прагматическом, метатеоретическом смысле*. Например, достаточно иногда только обратить чье-то внимание на один какой-нибудь факт или какой-либо общий закон, который этот человек выпустил из виду, забыл или не знал, как это выпущенное звено занимает свое место в системе уже имеющегося у человека знания, и он понимает, почему имеет место X. А так как доказательства и объяснения, предлагаемые математиками и экспериментаторами в их печатных работах, лекциях и просто беседах, формулируются с учетом определенной специфической аудитории, то им придают более или менее эллиптический характер. Но из этого отнюдь не следует, что стремление создать прагматическое, метатеоретическое понятие доказательства или объяснения оказывается либо принципиально ошибочным, либо неинтересным и теоретически бесполезным. Как показывает пример теории доказательства, имеет место как раз обратное. И хотя логическая теория объяснения не может похвастаться результатами, сравнимыми по глубине и важности с результатами современной теории доказательства, она тем не менее привела к некоторым немаловажным открытиям. Например, некоторые результаты, полученные Рамсеем и Крейгом**, раскрывают роль так называемых «теоретических сущностей» в научных теориях и проливают свет на возможность построения этих теорий без ссылок на данные сущности при полном сохранении вместе с тем их объясняющей силы. А проблемы этого рода могут быть отнесены только к логике, но не психологии объяснения.

Как я только что упомянул, объяснения, предлагаемые исследователями в различных областях экспериментальных исследований от физики до истории, часто не удовлетворяют условию адекватности, сформулированному выше, и тем не менее интуитивно они могут считаться совершенно удовлетворительными. Очевидно, что при оценке логической адекватности некоторого предложенного объяснения мы должны принять во внимание не только то, что утверждается в экспликантах явным образом, но и то, что выпущено как не заслуживающее упоминания, как молчаливо принимаемое за само со-

бон разумеющееся или за известное. Естественно, в задачу логической теории не входит давать правила подобных оценок, как к равной мере в задачу логической теории вывода не входит учить нас тому, как квалифицировать предложенное доказательство, которое не удовлетворяет формальным нормам дедуктивной правильности: как ошибочное или как дедуктивно правильное, но сокращенно формулируемое. Параллель со случаем математического доказательства здесь совершенно очевидна.

Условие адекватности объяснения, предложенное нами, вступает в противоречие с утверждением, которое было сделано, в частности, относительно исторического объяснения и согласно которому событие иногда можно считать достаточно объясненным, если показано, что такие-то и такие-то предшествующие условия, необходимые, но не достаточные для его возникновения, оказались реализованными в данном случае. Как показывает профессор Дрей в своем обзоре различных вариантов, предложенных для построения объяснений с помощью охватывающих законов, эта идея была выдвинута Френкелем и Галли; ее также настойчиво защищал и Скрайвен, приводя следующий пример³. Парезы, как известно, возникают только у людей, страдавших сифилисом; отсюда наличие пареза у данного пациента может быть объяснено перенесенной сифилитической инфекцией и, тем самым, ссылкой на некоторое предшествующее явление как необходимое, но ни в коей мере не достаточное условие пареза, так как только очень небольшое число сифилитиков обнаруживает парезы. Данное «объяснение», совершенно очевидно, нарушает условие, приведенное выше. И, действительно, как отмечает и сам Скрайвен, на основании полученной информации, что данное лицо перенесло сифилис, «мы должны были бы считать, что у него парез *не* произойдет»⁴. Но отсюда именно потому, что статистическая вероятность возникновения пареза при сифилисе очень мала, и потому, что на основании данной статистической вероятности мы скорее должны были бы ожидать, что у пациента не возникнет парез, информация, что этот человек перенес сифилис (и что парез возникает

только у сифилитиков), объясняет действительное возникновение пареза столь же мало, как факт выигрыша первого приза на скачках может быть объяснен информацией, что выигравший купил билет (и что только лица, купившие билет, могут выиграть первый приз).

3. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ И «ПОЛНОЕ» ОБЪЯСНЕНИЕ

В своем докладе профессор Дрей затронул вопрос, который в последнее время привлек к себе большое внимание, а именно возможно ли полностью объяснить какое-нибудь индивидуальное событие и, в частности, можно ли это сделать с помощью «охватывающих» законов. Мне бы хотелось кратко остановиться на этой проблеме.

При любом объяснении, использующем «охватывающие» законы, анализируемое событие всегда характеризуется при помощи некоторого утверждения — *эксплананда*. Так, например, когда мы спрашиваем, почему данная масса газа ζ увеличила свой объем в период между 17.00 и 17.01 час, или почему при данном выбрасывании B^I четырех костей сумма выпавших очков превысила 4, то *объясняемое* событие описывается такими утверждениями, как «масса газа ζ увеличилась в своем объеме в период между 17.00 и 17.01 час.» и «при данном выбрасывании B^I четырех костей общая сумма выпавших очков превысила 4». Отсюда ясно, что предметом возможного объяснения с помощью «охватывающих» законов могут стать только такие индивидуальные события, которые описываются утверждениями подобного рода. (Это, естественно, не означает, что каждое такое событие может быть действительно объяснено данным способом. Анализ объяснений, производящихся с помощью охватывающих законов, показывает нам их логическую структуру, но он ничего не говорит о том, в какой мере индивидуальные события, происходящие в мире, могут быть объяснены. Последнее зависит от того, каковы законы этого мира, и на данный вопрос нельзя ответить только средствами логического анализа. В частности, поэтому анализ объяснений такого типа не предполагает теории универсального детерминизма и не ведет к ней.)

Очень часто, однако, понятие индивидуального события трактуется способом, весьма отличным от вышепри-

³ M. Scriven. Explanation and Prediction in Evolutionary Theory. — "Science", 130 (1959), p. 480.

⁴ Ibid.

веденного. События в этом втором смысле обычно характеризуются не высказыванием, описывающим его, а некоторым именем собственным или определенными описаниями, такими, например, как «детские крестовые походы», «Октябрьская революция», «извержение Везувия в 79 г. н. э.», «убийство Юлия Цезаря», «первое солнечное затмение в 60-х годах XX века» и т. д. Индивидуальные события в этом смысле не могут быть объяснены ни охватывающими законами, ни каким-либо иным способом; и в самом деле, совершенно неясно, что следует понимать под объяснением таких событий. Например, различные аспекты убийства Юлия Цезаря включают факт того, что Брут и Кассий составили политический заговор, что Брут и его друзья-заговорщики занимали такую-то и такую-то политическую позицию и стремились к тому-то и тому-то, что Цезарь получил такие-то и такие-то раны и что, если можно положиться на мнение, с которым я столкнулся несколько лет тому назад и которое могло бы быть поддержано физикой, с каждым вдохом мы вдыхаем те молекулы кислорода и азота, которые были выдохнуты Цезарем в его последнюю минуту. Очевидно, полная характеристика индивидуального события, не говоря уже об объяснении, в этом смысле слова невозможна.

За неимением лучшего выражения я буду называть индивидуальные события последнего рода «конкретными событиями». Индивидуальные же события, в принципе допускающие их объяснение охватывающими законами, то есть события, описываемые утверждениями, можно принять⁵ за частные аспекты или факты конкретных событий.

Едва ли необходимо указывать на то, что конкретные события не ограничиваются областью истории. Такое событие, например, как первое полное солнечное затмение в 60-х годах нашего века, точно так же обнаруживает бесконечно большое количество химических, биологических, социологических и всяких иных аспектов и поэтому не может быть полностью описано и тем более полностью объяснено. Но некоторые его частные аспекты, например то, что оно наблюдалось в таких-то и таких-то районах

⁵ В конце данного раздела будет предложена иная производная интерпретация теории объяснения конкретных событий при помощи «охватывающих» законов.

земного шара, что оно длилось столько-то секунд и т. д., хорошо могут быть объяснены «охватывающими» законами⁶.

Но было бы неверно утверждать, что с помощью этих законов можно объяснить скорее некоторую *характеристику* события, чем индивидуальное событие как таковое. Это неверно прежде всего потому, что *характеристика* события формулировалась бы с помощью предикативного выражения, такого, например, как «полное солнечное затмение, наблюдавшееся на Аляске». А так как такие выражения, не являясь утверждениями в подлинном смысле этого слова, не могут быть заключением дедуктивного или индуктивного вывода, то характеристика события не может быть объяснена способом «охватывающих» законов. Далее объяснению с помощью данного метода подлежало бы *возникновение некоторого события определенного рода в данном отрезке пространства-времени*: например, удлинение ртутного столбика в некотором термометре в данном месте в определенный промежуток времени или тот факт, что некоторое лицо заболело желтой лихорадкой после укуса москитов определенного типа. Но все это, вне всякого сомнения, — индивидуальные события, которые могут быть описаны *высказываниями*. Поэтому в данном вопросе я полностью согласен с Мандельбаумом, который, отвергая утверждение Хайека, что объяснение и предсказание никогда не относятся к индивидуальному событию, пишет: «Можно считать, что предсказание определенного солнечного затмения или его объяснение относятся к конкретному событию даже и в том случае, когда они не охватывают всех аспектов этого события, таких, например, как температура солнца, влияние затмения на температуру земли и т. д.»⁷.

Я уже говорил, что конкретное событие, имея бесконечное количество аспектов, не может быть полностью описано, тем более объяснено. Но, по крайней мере в одном смысле, возможность полного объяснения как раз тех индивидуальных событий, которые описываются вы-

⁶ Суть того, что я сказал об индивидуальных событиях и их объяснении, была коротко, но вполне четко изложена в моей статье "The Function of General Laws in History", *Theories of History* (Glencoe Ill., 1959), sec. 2.2.

⁷ M. Mandelbaum. *Historical Explanation: The Problem of "Covering Laws"*. — "History and Theory", 1 (1961), p. 233.

оказываниями, подвергалась в последнее время обсуждению и анализу. Эта проблема была поднята в докладе проф. Дрея, когда он ставил вопрос о том, можно ли вообще считать, что событие объяснено *полностью*, если мы подведем его под статистические, а не строго универсальные законы и тем самым не покажем, что «оно должно было произойти». В самом деле, как уже было отмечено ранее, эксплананты статистического объяснения придают экспланандуму только более или менее высокую индуктивную вероятность, но не связаны с ним необходимым образом, как в случае дедуктивно-номологического объяснения. Можно было бы сказать, что объяснение последнего типа является полным, а объяснение вероятностного типа — неполным⁸. Если, однако, эти термины понимаются таким образом, то необходимо помнить, что более полное объяснение события не сводится просто к объяснению большего числа его аспектов. И в самом деле, понятие полноты, рассматриваемое в настоящем случае, относится только к объяснению событий, описываемых высказываниями, в то время как понятие аспекта события было введено нами для характеристики событий конкретного типа.

И в заключение мы считаем, что в свете вышеизложенного можно было бы уточнить, в каком смысле говорят о частичном объяснении конкретного события или называют некоторые из объяснений более полными — в отличии от вышеприведенного значения данного термина — по сравнению с другими. Прежде всего, любой ряд дедуктивно-номологических объяснений, каждое из которых объясняет некоторый аспект конкретного события, может быть назван частичным объяснением этого события. И если аспекты, объясненные в некотором ряду, представляют собой какую-то часть аспектов, объясненных в другом ряду, то первый ряд объяснений следует считать менее полным по сравнению со вторым. Данные понятия частичности и полноты объяснения можно было бы обобщить таким образом, что они оказались бы применимыми также и для рядов, содержащих объяснения вероятностного типа. Однако подобная детализация была бы здесь неуместной.

⁸ Дж. Питт, очевидно, понимает полноту и неполноту объяснения именно в этом смысле, см. его: *Generalizations in Historical Explanation*. — "The Journal of Philosophy", 56 (1959), p. 580—581.

4. ОБЪЯСНЕНИЯ ДЕЙСТВИЙ С ПОМОЩЬЮ ЦЕЛЕЙ

4. 1. Модель Дрея

Теперь нам хотелось бы обратиться к центральной теме доклада проф. Дрея, а именно к теории рационального объяснения. Дрей считает, что широко распространенный метод объяснения человеческих поступков целями, ради которых они предпринимались, метод, используемый как историками, так и другими исследователями, имеет иную логическую структуру по сравнению с объяснением при помощи охватывающих законов. При этом он утверждает, что отождествление этих двух методов означало бы искажение их логических форм. Я думаю, что положения, высказанные Дреем в защиту данного тезиса, представляют собой существенный вклад в постановку и разрешение трудных проблем, с которыми мы сталкиваемся в этом случае.

Согласно Дрею, задачей объяснения поступка целями, ради осуществления которых он предпринимался, является «доказательство того, что этот поступок был необходим для достижения некоторой определенной цели, а не просто указание на то, что он предпринимался "при таких-то обстоятельствах, даже, может быть, и в соответствии с известными законами"». Объясняющими факторами в этом случае будут цели, к осуществлению которых стремились, совершая некоторый поступок, а также представления исторических деятелей о таких, в сущности, эмпирических обстоятельствах, как возможность альтернативных действий, их вероятные последствия. В соответствии с теорией Дрея объяснение при этих условиях будет заключаться «в воспроизведении расчетов действующего лица, расчетов, связанных с выбором средств для достижения поставленной цели и основанных на анализе его фактического положения»⁹. В своей законченной форме объяснение должно показать, что сделанный выбор был правильным и что именно этот поступок необходимо было совершить при данных обстоятельствах. Оценка же правильности поступка основывается не на общем зако-

⁹ W. Dray. *Laws and Explanation in History* (London: Oxford University Press, 1957), p. 124.

¹⁰ Ibid., p. 122.

не, а на том, что Дрей называет «принципом действия», то есть на нормативном или оценочном принципе, имеющем форму: «В ситуации типа С следует делать Х»¹¹.

4. 2. Проблема критерия рациональности

Прежде чем обратиться к нашему главному вопросу, а именно может ли данный принцип объяснить действие, и если может, то в какой степени, нам хотелось бы привлечь внимание к одному весьма проблематичному, с нашей точки зрения, моменту того понятия о «принципе действия», которое дает Дрей. Как уже явствует из самого выражения «то, что следует делать», Дрей, по-видимому, предполагает: (1) что если уточнены обстоятельства, при которых должен был совершиться поступок (включая в их число также и цели, и представления действующего лица), то некоторое действие может быть совершенно недвусмысленно и определенно охарактеризовано как правильное, разумное или рациональное при данных условиях; (2) что по крайней мере во многих случаях имеется одно и только одно такое действие. И в самом деле, Дрей утверждает, что именно в этом отношении рациональное объяснение превосходит статистическое, так как на вопрос, почему данное действие должно было быть совершено, с помощью объяснения первого типа часто можно дать ответ, исключающий все иные возможные альтернативные поступки, — результат, который не может быть получен при вероятностном объяснении.

Однако эти два только что перечисленные предположения кажутся нам неосновательными или по крайней мере весьма спорными. Прежде всего ни в коем случае не очевидно, на каком критерии рациональности основывается характеристика поступка как «необходимого». Хотя целый ряд авторов и предполагает, что имеется одно совершенно ясное понятие рациональности в этом смысле¹², они не дают никаких явных его определений. Бо-

¹¹ Ibid., p. 132.

¹² Например, К. Джибсон в своей весьма фундаментальной книге *The Logic of Social Enquiry* (London: Routledge and Kegan Paul; and New York: Humanities Press, 1960) утверждает: «Может быть много различных альтернативных способов достижения цели. Поступить рационально... это значит выбирать, основываясь на анализе обстоятельств, наилучший способ» (стр. 160). И, согласно Джибсону,

более того, сомнение относительно возможности адекватной формулировки общего критерия рациональности подтверждается математической теорией игр, которая показывает, что даже в весьма простых ситуациях, в которых требуется принятие решения, можно сформулировать несколько различных критериев выбора, каждый из которых в принципе возможен и тем не менее несовместим с другими¹³. И если дело обстоит так в простых случаях, то понятие необходимого в данных обстоятельствах поступка представляется еще более проблематичным, когда оно применяется к тем действиям и решениям, которые пытаются объяснить историки. Нам представляется поэтому, что предположения, лежащие в основе «принципа действия» Дрея, нуждаются в дальнейшей разработке и анализе.

Чтобы не усложнять нашего дальнейшего изложения, я не буду обращать внимания на данную трудность и ради сохранения возможности спора приму, что смысл выражения «Х — правильный или рациональный поступок в ситуации С» основывается на приемлемых и достаточно определенных объективных критериях.

4. 3. Роль мотивов при объяснении действий

Принимая последнее предположение, мы можем поставить вопрос следующим образом: «Какую роль может сыграть «принцип действия» в историческом объяснении?» То, что говорит сам Дрей по этому поводу как в своем докладе, так и в своей книге, по-видимому, дает основание заключить, что рациональное объяснение того, почему деятель А сделал Х, по его теории, имеет следующую форму:

Деятель А находился в ситуации типа С.

В ситуации типа С следовало сделать Х.

Поэтому деятель А сделал Х.

Первое высказывание в экспликантах определяет некоторые предшествующие поступку условия; второе — это

«с логической точки зрения элементарно, что если даны определенные обстоятельства, то может существовать только один наилучший способ достижения некоторой цели» (стр. 162).

¹³ Четкое описание и сравнительный анализ подобного критерия см.: R. D. Luce and H. Raiffa. *Games and Decisions* (New York: John Wiley & Sons, 1957), ch. 13.

принцип действия, занявший то место, которое в объяснениях с помощью охватывающих законов отводится некоторой совокупности общих законов.

Понимаемая таким образом логика рационального объяснения действительно отличается от логики объяснения охватывающими законами. Но именно поэтому я смею утверждать, что рациональное объяснение не может показать, почему А сделал Х. Ибо в соответствии с общим условием адекватности, рассмотренным выше, адекватное объяснение факта, что некий А сделал Х, должно дать нам хорошие основания для уверенности или утверждения, что А действительно сделал Х. А в данном случае, хотя вышеприведенные эксплананты и дают нам хорошие основания для утверждения, что А следовало бы в данных обстоятельствах сделать Х, у нас нет достаточных оснований утверждать или считать, исходя только из них, что А действительно сделал Х. Для того чтобы последнее утверждение было обоснованным, нам необходимо было ввести в наше рассуждение еще одну дополнительную посылку, согласно которой в рассматриваемый момент времени А был рационально действующим лицом и, таким образом, предрасположенным к тому, чтобы поступать так, как требовала ситуация. При внесении соответствующих поправок наши эксплананты выглядели бы следующим образом:

Деятель А находился в ситуации типа С.

В то время он являлся рационально действующим лицом.

Любое рациональное существо в ситуациях этого типа обязательно (или же с высокой вероятностью) делает Х.

Только в этом случае из них будет следовать (или они будут придавать высокую индуктивную вероятность) экспланандуму:

А сделал Х.

При такой модификации логической структуры мы в данном деле получаем объяснение, почему А действительно сделал Х. Однако это оказалось возможным только благодаря тому, что мы заменили оценочный принцип действия Дрея дескриптивным утверждением, устанавливающим, как поступают рациональные существа в ситуациях типа С. В результате мы снова приходим к объяс-

нению с помощью охватывающих законов, являющемуся дедуктивным или индуктивным в зависимости от того, имеет ли общее утверждение о поведении рациональных существ строго универсальную или статистически-вероятностную форму. Данное схематическое представление объяснения с помощью мотпвов. очевидно, аналогично теории объяснения Райла, основывающейся на предрасположенностях субъекта¹⁴, так как и у нас фактически поведение А рассматривается как проявление его общей предрасположенности действовать определенным способом — в данном случае способом, который может быть квалифицирован как правильный или рациональный — в определенных ситуациях.

Можно было бы возразить в отношении выдвинутого памп положения относительно предрасположенности к совершению поступков определенного рода, что «охватывающий закон», якобы формулируемый в третьем эксплананте, на самом деле не является эмпирическим законом поведения рациональных существ. Он представляет собою аналитическое определение термина, показывающее один из моментов, подразумеваемых в тех случаях, когда говорят о людях, поступающих рационально¹⁵. Отсюда следовало бы, что, подведя данное действие под общий «закон» такого типа, мы фактически ничего бы не объяснили. Однако мы считаем, что это возражение не учитывает логического характера таких понятий, как рациональное существо. Короче говоря, дело сводится к тому, что такие понятия определяются целым рядом общих утверждений — их можно пазвать симптоматическими утверждениями, — которые связывают с некоторой конкретной предрасположенностью различные ее типические проявления или симптомы, причем каждый из этих сим-

¹⁴ G. Ryle. *The Concept of Mind* (London: Hutchinson's University Library. 1949). Взгляды, развиваемые здесь, несколько отличаются от того, что дает нам профессор Райл. Для того чтобы это подчеркнуть, я говорю об анализе предрасположенностей «в широком смысле». Более полное рассмотрение данного вопроса см. в моей статье "Rational Action". — В: *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, vol. XXXV (Yellow Springs, Ohio: Anthioch Press, 1962). Раздел 3.2 этой статьи, в частности, специально посвящен анализу моих разногласий с точкой зрения профессора Райла.

¹⁵ Подобное возражение действительно было сделано профессором Р. Брандтом.

птомов представляет собой специфическую реакцию лица, обладающего предрасположенностью данного типа на некоторые специфические же («стимулирующие») обстоятельства. При таком подходе третье высказывание в ряду наших экспланантов оказывается как раз одним из многих симптоматических высказываний, раскрывающих понятие рационального существа. Совокупность же всех симптоматических высказываний, касающихся понятий этого типа, будет вести, как правило, к некоторым эмпирически проверяемым следствиям. Отсюда, взятые в целом, они не могут быть квалифицированы как простые аналитические определения, и было бы весьма произвольным, если бы мы приписали аналитический характер некоторым из них — например, нашим экспланантам, — считая¹⁶ остальные эмпирическими по своему содержанию.

Суммируя вышесказанное, мы считаем, что в логической модели мотивационного объяснения, предложенной профессором Дреем, имеется фундаментальная логическая ошибка, связанная с утверждением, что подобные объяснения должны скорее основываться на «принципах действия», чем на общих законах. Дрей проводит четкое разграничение между ними на том основании, что термин «необходимый поступок», с которым мы обязательно сталкиваемся в формулировках принципов действия, «выступает в роли оценочного термина», и поэтому в мотивационном объяснении присутствует известный «элемент оценки», так как оно должно показать нам, почему некоторое действие «было правильным»¹⁷. Но показать — и это нам представляется главным, — что действие было правильным или рациональным в данных обстоятельствах, еще не означает объяснить, почему оно фактически было произведено. И в самом деле, никакой нормативный или оценочный принцип, определяющий, какой род действий при данных обстоятельствах должен считаться правильным, не может служить в качестве объяснения того, почему некоторое лицо вело себя известным образом, безотносительно к тому, соответствует или не соответствует

¹⁶ Эта идея рассматривается более полно в моей статье "Explanation in Science and in History". В кн.: *Frontiers of Science and Philosophy*, ed. R. G. Golodny (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1962), sec. 6.

¹⁷ Dray. Op. cit., p. 214.

данное поведение рассматриваемому нормативному принципу.

Пэссмор, критикуя эту концепцию, выдвигает то же самое основное возражение, кратко формулируя его следующим образом: «... объяснение, исходящее из «принципа действия» или «достаточного основания», само по себе вообще не является объяснением... Ибо некоторое основание может быть вполне «достаточным основанием» — в том смысле, что к нему всегда можно было бы прибегнуть при оправдании какого-то действия — и вместе с тем никак не влиять на нас»¹⁸.

Может показаться, что при такой трактовке мотивационное объяснение, по сути дела, приобретает логическую структуру одной из двух возможных моделей объяснения охватывающими законами и что тем самым мы нарушаем предписание, упоминающееся в докладе Дрея. В соответствии с этим предписанием в логическом анализе следует воздерживаться от навязывания историческому объяснению жестких рамок каких бы то ни было предвзятых схем. В таких случаях скорее следует самым внимательным образом отнестись к фактически принятой практике объяснения в данной дисциплине. Логический анализ должен весьма тактично подойти к тому понятию объяснения, которым историк обычно пользуется. Несомненно, историк, прибегающий к предположительным целям некоторого исторического деятеля для объяснения его действий, может считать своей главной задачей доказательство того, что в свете данных целей именно так и следовало поступить. Но, описывая события, историк столь же несомненно стремится показать и то, почему данный исторический деятель вел себя таким образом — почему, например (используя пример, приводимый Дреем), Людовик XIV ослабил военное давление на Голландию. На этот вопрос невозможно ответить, показав, что при целях и представлениях Людовика XIV это (или да-

¹⁸ J. Passmore. Review Article: "Law and Explanation in History". — *Australian Journal of Politics and History*, 4 (1958), p. 275.

Ниж Пэссмор замечает мимоходом, что мотивационное объяснение эквивалентно объяснению, включающему некоторую общую посылку, ибо принять некоторый «мотив» за действительное объяснение поведения некоторого человека означает утверждать общее положение следующей формы: «Люди типа X в ситуации Y ведут себя таким образом, что их поведение подчиняется принципу Z».

же как раз это) и нужно было сделать, так как в конце концов многие исторические деятели во многих случаях не поступают рационально. Данное замечание представляется нам аналогичным тому, которое сделал Страусоп, которое упоминается в докладе Дрея. Дрей согласен с тем, что человеческие поступки далеки от идеала рациональности, и подчеркивает, что его критерий целесообразности поступка может быть применен только к действиям, не обнаруживающим дефективности в целом ряде отношений. Но именно в этом, с нашей точки зрения, и заключается все дело: если объяснение поступка с помощью целей исходит из норм рациональности поведения, тогда, чтобы иметь желаемую доказательную силу, оно должно было бы включить в себя и дополнительное эмпирическое предположение, согласно которому данный поступок не был дефективным в ряде существенных отношений, то есть что данное лицо в то время было предрасположено действовать в соответствии с нормами рациональности и что внешние обстоятельства не препятствовали ему в этом.

Отсюда нам кажется совершенно очевидным, что историк ничего не достигнет, показывая правильность или рациональность некоторого действия, но не принимая вместе с тем, что исторический деятель в то время был предрасположен действовать рационально (то есть так, как он не смог бы действовать в случае сильной усталости, тяжелого эмоционального напряжения, влияния психотропных средств и т. д.). А так как в объяснении действия с помощью целей эта существенная предпосылка обычно принимается как данная, то она, как правило, и не формулируется явным образом; скорее, при отступлении от норм рационального поведения у нас возникает потребность четко определить характер искажающих влияний. Однако хотя сокращенная формулировка объяснения, воздерживающаяся от упоминания предпосылки о рациональности поведения, может быть вполне удовлетворительной с практической точки зрения, то есть в прагматически-психологическом контексте объяснения, тем не менее она затемняет логику объяснения. Представляется вполне очевидным поэтому, что анализ, выявляющий скрытые предпосылки рассуждений историка, отнюдь не навязывает мотивационному объяснению какую-то предвзятую схему.

Нам кажется, что данный нами анализ мотивационного объяснения может быть применен и к интересному случаю, упоминавшемуся проф. Дреем, а именно к случаю объяснения наших собственных действий целями, для осуществления которых они были предприняты. Конечно, в утверждении: «Я сделал X с целью C» объяснение и оправдание почти слиты в единое целое, и тем не менее мы все же разграничиваем истинное объяснение от простой ретроспективной рационализации поступка в контекстах такого рода. Отсюда утверждение формы «Я сделал X с целью C» могло бы считаться подобной рационализацией только в том случае, если бы у нас были основания полагать, что на самом деле я сделал X не с указываемыми мною целями: например, что в момент действия у меня не было целей и мыслей, упоминающихся мною в объяснении, или что я находился в состоянии, в котором у меня не было возможности поступать в соответствии со своими целями и мыслями. И в этом случае утверждение относительно мотивов моих действий имеет объясняющую силу только при допущении предрасположенности действовать рационально в данной ситуации.

4. 4. «Рациональность» II обдумываемых действий

Схема мотивационного объяснения, включающая посылку о предрасположенности исторического деятеля поступать рационально, может помочь также и в решении одной трудности, с которой проф. Дрей столкнулся в своей книге и на которую он ссылается в своем докладе. Согласно Дрею, имеются действия, которые квалифицируются как рациональные, несмотря на то что они были произведены без действительного взвешивания и расчета. II в самом деле, в своей книге он доказывает, что в той мере, в какой некоторое действие оказывается целесообразным вообще — причем безразлично, на каком уровне сознания было принято решение осуществить данное действие, — оно может быть объяснено рациональным способом, так как «имеется принципиальная возможность расчета таких действий» т. е. «человек, совершивший эти действия, мог бы проделать такой расчет, если бы он имел достаточное время или по крайней мере мог бы про-

делать его уже после совершения действия»¹⁹. Но так как, по гипотезе, никакой расчет или обдумывание действия не имели места и соображения рациональности фактически не играли никакой роли в поступках данного лица, то их объяснение ссылкой на *возможные* расчеты представляется мне просто фиктивным.

Отвечая на возражение Новелл-Смита, который, по-видимому, имел в виду как раз это обстоятельство, проф. Дрей в своем докладе снова утверждает, что цели, приводимые в мотивационном объяснении поступка, не должны обязательно приниматься в расчет историческим деятелем при совершении им своих действий. К этому он добавляет, что наше понимание этого действия может возникнуть при осознании рациональной связи между данным действием и мотивами и представлениями, которые мотивационное объяснение приписывает этому деятелю. Но и в данном случае факт осознания нами такой логической связи, безусловно, не может привести нас к пониманию того, почему это действие было предпринято, так как, согласно предположению, человек, совершивший действие, совсем не осознавал этой связи.

Однако нам кажется, что проф. Дрей, считая некоторые из действий, которые были предприняты «мгновенно», без размышлений, сходными с действиями, выросшими на основе тщательного обдумывания, прав в одном отношении. И это его положение можно оценить по заслугам, только придавая ему несколько отличную (опять же основывающуюся на принятии посылки предрасположенности!) трактовку. В соответствии с ней «рациональное объяснение» такого действия достигается приписыванием данному лицу определенных поведенческих предрасположений, приобретенных им в процессе обучения. Начальные же фазы этого процесса действительно включают сознательное размышление и обдумывание. Обратите внимание, например, какие разнообразные и сложные движения требуются для того, чтобы печатать на машинке, вести автомобиль по дороге с оживленным движением, сверлить и пломбировать зуб. Все эти движения заучены в процессе обучения, которое включало более или менее сложную работу мысли в своих начальных фазах. Но со временем все эти движения стали «второй нату-

рой» человека и совершаются им автоматически, без сознательного обдумывания или при очень небольшом участии сознания.

Конкретный поступок такого рода не может быть тогда объяснен с помощью воспроизведения того расчета или размышления, которого данное лицо фактически и не совершало, равно как и с помощью указания на то, что его действия соответствовали каким-то его предполагаемым целям. С другой стороны, он мог бы быть объяснен, если бы мы представили его как проявление общего поведенческого стереотипа этого человека, приобретенного им в процессе обучения только что упомянутым способом²⁰. Очевидно, что и это производное мотивационное объяснение явится объяснением, основывающимся на широкой трактовке понятия предрасположенности, а отсюда оно должно по своему логическому типу относиться к объяснениям с помощью охватывающих законов.

Принятие нашей общей только что сформулированной концепции мотивационного объяснения отнюдь не требует от нас отрицания того, что, как правильно подчеркивает проф. Дрей, историки, вводя мотивы в объяснение действий, обычно стремятся показать, что действие «имело смысл» при подходе к нему с точки зрения его целей и идей, которые его вызвали. В равной мере мы не отрицаем и того, что раскрытие этого смысла может доставить большое интеллектуальное наслаждение. Мы, скорее, попытались доказать, что — даже отвлекаясь от весьма большой проблематичности самого понятия рациональности (правильности) — простое указание на осмысленность, необходимость действия в данной ситуации не может считаться при строго логическом подходе достаточным объяснением того, почему данное действие было действительно предпринято.

¹⁹ Day. Op. cit., p. 123.

²⁰ Аналогичным образом И. Шёффлер обращает внимание на значение приобретенных автоматических навыков для понимания некоторых форм целенаправленного поведения, осуществляющегося машинально. См. его: *Thoughts on Teleology*. — "British Journal for the Philosophy of Science", 9 (1959).